

НЕКОТОРЫЕ СУДЕБНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

И. С. ПЕТРОСЯН

Как известно, нашим Законом о печати предусмотрено судебноп-правовое разрешение всех конфликтов, возникающих в связи с деятельностью СМИ. Единственным арбитром между спорящими сторонами должен выступать суд. Он и никто другой определяет судьбу издания. При этом орган информации, организация или частное лицо предстают в качестве сторон, имеющих равные процессуальные возможности доказывать правильность своих утверждений и оспаривать доводы противоположной стороны.

То, что все эти «блага» демократии признаны нами хотя бы на бумаге, конечно, большое достижение. Но суду, который при нынешней «неправосудности» нашего правосудия еще не стал мощной стабилизирующей силой, способной защищать права и свободы граждан, еще предстоит осваивать опыт и культуру разбирательства дел, связанных с исками к прессе. И журналисты постепенно привыкают к такой ситуации, когда за неосторожное слово или недостоверную информацию приходится «расплатываться» длительной судебной тяжбой.

Тем, кто писал историю советской печати, приходилось ломать голову над проблемой, — что отличало печать, призванную быть летописью трудовых свершений, после XI партийного съезда, и какими новыми чертами она обогатилась после XIII съезда. Такова была логическая предопределенность любого научного исследования по истории прессы. На наш взгляд, сейчас нам надо фиксировать и запечатлевать всю текущую жизнь отечественной журналистики с точки зрения приближения к свободе слова. И случаи экономического давления на прессу, и судебные процессы, — все это должно заполнить страницы антологии «четвертой власти».

Для того, чтобы представить, как буква Закона о печати преломляется в армянской действительности, дадим краткий обзор всех более или менее значительных судебных процессов, где к армянским массовым средствам были предъявлены иски о защите чести и достоинства. На начальном этапе, когда только-только «признается» цивилизованный метод разрешения конфликтов через суд, очень важно обобщить и осмыслить небольшой накопленный опыт. Поскольку данная работа не ставит целью дать детальную разработку этой проблемы и подробный анализ судебных процессов, ограничимся лишь перечислением описательного характера, которое даст возможность вынести общее впечатление о том, каков «судебно-правовой фон» деятельности армянских СМИ.

1. Март 1991. Председатель исполкома горсовета А. Галстян обратился в Спандарянский нарсуд с иском к газете «Голос Арменин». В статье ветерана Р. Акопяна промелькнула фраза: «Во время митингов на площади Свободы время от времени раздаются возгласы «Смерть коммунистам!» В исковом заявлении мэр назвал такое выражение ложным, оскорбительным и попирающим законные интересы горсовета.

Спандаряпский нарсуд отклонил иск, сославшись на то, что горсовет—это хозяйственно-административный орган, лишенный полномочий идеологического характера. Верховный суд, исходя из того, что искомую сторону представлял сам мэр, потребовал удовлетворить иск. Финалом тяжбы стало судебное решение, которое обязало: «разъяснить» в «ГА», что такие возгласы с трибун во время митингов на площади Свободы не раздавались». Следует отметить, что в статье Р.Акопяна не были упомянуты «трибуны» и, возможно, он ссылаясь лишь на группу людей, которая позволяла себе в митинговом пылу такие выкрики.

2. *Июнь—август 1992 года.* Лорис Чкнаворян подал в Маштоцский нарсуд иск о защите чести и достоинства. Ответчиком была автор статьи «О серьезной музыке и дефиците нравственности» Т. Ованесян (Эпоха, 1992, № 10). Автор обвиняла маэстро в меркантилизме и подкупе прессы. По решению суда «Эпоха» опубликовала опровержение. Требования истца возместить материальный ущерб в 10 млн. рублей и 20 тыс. долларов, а также приостановить выпуск газеты на 3 месяца не были удовлетворены судом в силу необоснованности.¹

Данное дело было первым, где рассматривался вопрос об ущемлении чести известного человека. Не совсем четко было уяснено понятие «оскорбление». Точка зрения или мнение, которое не совпадает с тем, что хотелось бы услышать, возводилось в ранг оскорбительного выражения. Для наглядности приведу несколько примеров.

Автор статьи приводит слова композитора, сказанные им на одном из концертов.—«Вот сейчас, если надо будет, прямо с этой сцены, с этими скрипками, с этой дирижерской палочкой мы пойдем и завоюем Карабах». Комментируя этот факт, Ованесян задается вопросом—«а не популистская ли это аффектация?» То есть выражает свою точку зрения. Суд усмотрел в этих авторских рассуждениях попытку обвинить маэстро в предательстве и дезертирстве. Или другой пример. Ованесян комментирует в статье тот факт, что до и после концертов Чкнаворяна звучит национальный гимн. Истец требует опровержения, так как это обвинение в легкомыслии. Это все равно, что журналист напишет о человеке, что он ловит воду в мутной воде, а на него подадут в суд, усмотрев в этом выражении обвинение в браконьерстве.

3. *Июнь—август 1993 г.* В «Голосе Армении» адвокат Ю. Барсегян выступил со статьей «Прокуратура нарушает закон», где раскритиковал действия прокуратуры. А. Бошнагян, будучи тогда начальником следственного управления Прокуратуры республики, дал ответ на статью в газете «Айастанн Анрапетутюн» (№ 2, 1993). Его материал назывался «По поводу одной публикации и некоторых открытий». Адвокат Ю. Барсегян подал в Мясникяновский нарсуд иск о защите чести и достоинства. Основная претензия была к фразе из статьи Бошнагяна «у него прозрачная неосведомленность в азах собственной специальности». Истец требовал доказательств своей профнепригодности. Суд вынес решение отказать в удовлетворении иска. Верховный суд оставил решение районного суда в силе. Интересен, если не курьёзен, отрывок из постановления районного суда (еще одно свидетельство неординарности судебных дел, связанных с прессой), который впоследствии был изъят из постановления Верховного суда: «Истец Барсегян отметил, что ответчик ущемил честь и достоинство, назвав его сужде-

¹ Свою оценку судебного процесса автор статьи изложила в публикации «Правила игры таковы, что выигрывает свобода» («Эпоха, 1992, № 50).

ния совершенно безграмотными. Но это нельзя рассматривать как оскорбление. Ведь, на самом деле, Барсегян не получил высшего юридического образования,—он закончил политехнический институт, а его кандидатская диссертация посвящена проблемам криминалистики. Естественно, он вполне мог допустить неправильные суждения о тех областях, которые не изучал.

4. Май—октябрь 1993 г. Спандарянский нарсуд рассмотрел иск о защите чести и достоинства, предъявленный товариществом «Энерган» к газете «Урарту». В февральском номере за 1993 год журналист П. Джангиров в статье «Даешь светлое будущее» поделился своим мнением о рекламной кампании «Энергана», призывающей вложить деньги в строительство теплостанции. В частности, он выразил свое скептическое отношение к обещаниям «Энергана» к 2000 году построить теплостанцию в 2000 мвт, благодаря чему Армения получит полную энергетическую независимость. Исковой стороной были сочтены оскорбительными следующие авторские выражения,—«мыльный пузырь», «разбазаривание государственных средств», «прожект». Суд удовлетворил иск, обязав газету опубликовать опровержение. Финансовые претензии обеих сторон были сняты. Верховный суд оставил решение районного суда в силе.²

5. Ноябрь—декабрь 1993 года. В Спандарянском нарсуде слушалось дело о защите чести и достоинства судебного врача А. Арутюняна. В передаче «Здравствуй, это я», показанной по телеканалу «Остапкино», профессор ЕРГУ Эд. Аветян сказал об Арутюняне следующее: «Он—изверг, палач, его нельзя поставить ни в какое сравнение с палачами КГБ, а отец его был взяточником». А. Арутюнян и благотворительный фонд «Помощь душевнобольным», членом Совета которого он является, потребовал опровержения, приостановления на 3 месяца деятельности фирмы «А-1», которая принимала участие в подготовке передачи, а также возмещения материального ущерба в 18 млн. рублей. Суд обязал телестудию дать опровержение и выплатить истцу 12 млн. рублей в порядке компенсации материального ущерба. Верховный суд оставил решение Спандарянского нарсуда в силе.³

6. Март 1994 г. Прокурор Спандарянского нарсуда Г. Гулкян подал исковое заявление в тот же суд с требованием приостановить выпуск газеты «Голос Армении» за оскорбительные выпады против президента и руководства республики. Наиболее оскорбительными прокурор счел эпитет «антипароидная клика» в адрес властей республики и фразу «амбициозный полуученый-неудачник» в адрес президента Л. Тер-Петросяна. После третьего судебного заседания прокурор отказался от своего иска.

Нынешние судебные процессы, связанные с исками к средствам массовой информации,—это лишь первые камешки в фундамент. Они со всей наглядностью показали необходимость создания четких законоположений и правовых механизмов. Обтекаема, несовершенна и устарела статья 7 гражданского кодекса Республики Армения «О защите чести и достоинства», где сквозит дух былых времен. Из текста кодекса не совсем ясно, когда за оскорбление предусмотрено уголовное наказание, а когда наказание в гражданском порядке, не уточнено,

² См. подробности: И. Петросян, «Во всем виноват «мыльный пузырь»» («Республика Армения», 1993, № 231).

³ Подробно судебный процесс освещен нами в публикации «Почему ученый не знает слова пимон?» («Время», 1993, № 78).

что мы понимаем под оскорблением, т. е. умышленным унижением чести и достоинства личности. Не даны указания относительно механизма реализации опровержения. Зафиксировано лишь то, что гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

В процессе судебных разбирательств выявилась недоговоренность, декларативность, оторванность от реалий многочисленных постулатов армянского Закона о печати. Совершенно не уяснен вопрос об опровержении и праве на ответ (особенно, если опровержение должно прозвучать по телевидению). Нет разъяснений относительно того, когда редакция выступает в качестве ответчика, а когда соответчика или третьего лица. Нет четкости в изложении статьи, где говорится о том, когда журналист освобождается от ответственности. Нет указаний на то, как хранить материалы радио и телевидения, которые позволят установить ответчика в случае исковых притязаний.

Следует также отметить, что давно назрела необходимость введения статьи о денежном возмещении морального ущерба. Российский закон о печати давно ввел такую практику. Денежный штраф за моральный ущерб будет способствовать повышению ответственности масс медиа, более серьезному и компетентному отношению судов к такого рода делам.

Оставляет желать лучшего и квалификация, общая интеллектуальная подготовленность судей. Судьи привыкли разбирать тяжбы, связанные с долежом имущества или другие дела, четко отрегулированные в правовом отношении. Такие процессы по защите чести и достоинства часто переходят в скандальные истории, и иногда чреватые для судей неприятностями. С большой неохотой берутся за такие дела и адвокаты.

На данном промежутке пути, когда мы только приучаемся к цивилизованным нормам существования в условиях свободы слова, существенное значение приобретает изучение опыта других стран в данной области. С этой точки зрения интересен и поучителен опыт США, где суд уже на протяжении столетий является главным арбитром в конфликтах, связанных с масс медиа. Много из этого опыта мы можем «вмонтировать» в нашу действительность. Тщательное изучение работы американских исследователей по интересующей нас проблеме позволило обозначить те главные моменты, по которым можно воссоздать общую картину.

Важную роль в регулировании журналистской деятельности на Западе играют законы о диффамации. Диффамация определяется как фальсифицированная или злонаправленная информация, которая порочит человека в глазах общественности или публично высмеивает. По существу, диффамация—это та же клевета, но шире. Если клевета—это позорящее личность и непременно ложное заявление, то диффамацией может быть и правдивое сообщение.⁴

В США еще 200 лет назад свободу печати провозгласила и оградила от всяческих посягательств Первая поправка к конституции. Американцы, посчитав достаточным, что поправка гарантирует свободу в общем виде, оставили «конкретику» во власти независимых судов, которые время от времени выносят решения, определяющие границы

⁴ В английском языке диффамация, зафиксированная средствами информации, называется «лайбл». В дальнейшем изложении, обращаясь к опыту американской прессы, мы часто будем оперировать понятием «лайбл».

свободы. Отдельное дело может «перерасти» в прецедент, на который впоследствии ориентируются судьи, рассматривая идентичные дела.⁵

В таком микрокинемате чисто англосаксонских правовых традиций и проходили в 1964 году слушания по делу «Нью-Йорк Таймс» против Салливена. Суть этого дела такова.

Газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала на целой полосе в форме платного объявления заявление группы лиц, где критиковались власти Алабамы, в том числе шеф полиции Салливен. В заявлении имелись фактические неточности, хотя в целом оно было правдивым. Салливен обратился в суд, потребовав полмиллиона долларов за диффамацию.

Суды низших инстанций поддержали Салливена, но Верховный суд США, который сверяет решения местных судов на их соответствие Первой поправке конституции, принял мудрое решение, которое было принято на «ура» американской прессой и до сих пор американскими специалистами считается лучшим из того, что сделано судебной властью для защиты свободы слова. Вот дословный перевод этой формулировки: «Единственным основанием для привлечения к ответственности за публикации, в которых критикуются действия представителей власти—существование злого умысла. Под злым умыслом понимается информированность о ложном характере заявлений или грубое пренебрежение вопросом о том, правдивы они или ложны»⁶ Таким образом, если вы всего лишь частное лицо, то вам достаточно доказать маленькую неточность и небрежность журналиста, вследствие которой был нанесен ущерб нашей репутации, и вы окажетесь победителем в судебной тяжбе. Но если вы облачены властью, то вам еще придется попотеть над тем, чтобы доказать злоумышленный характер журналистских искажений. Иными словами, средствам информации было оставлено жизненное пространство для добросовестной ошибки.

Логика принятия такого решения исходила из чисто демократического мировосприятия. В самом деле, демократия—это прежде всего самоуправление, а первейшее условие самоуправления—это свобода публичного обсуждения любых политических проблем, включая и действия самих властей. Следовательно, обсуждение политических проблем и людей, вовлеченных в политический процесс, свободно от любых ограничений, так как это обеспечивает возможность самоуправления. Пр процитируем один из веских доводов в защиту введения доктрины «злого умысла»: «Ошибочные заявления неизбежны при свободных дебатах и должны пользоваться защитой, если мы хотим, чтобы свобода выражения взглядов было чем «дышать», и если мы действительно уверены в необходимости ее сохранения».⁷ Пресса не подлежит осуждению за ошибочное освещение факта, касающегося общественного деятеля, так как наказать в этом случае значило бы создать атмосферу страха и робости. Требование доказательства злого умысла ограждает людей от преследований за критику властей.

Эта маленькая «революция» в подходе к вопросу об ответственности за диффамацию была воспринята неоднозначно. Одни считали, что нужно пойти еще дальше и признать абсолютное конституционное право на публикацию любых материалов, содержащих критику вла-

⁵ В. Г. Каленский, Билль о правах в конституционной истории США, М. 1943, с. 233.

⁶ Doris A., Graber. Mass media and American Politics. Chicago, 1986, p. 104.

⁷ Doris A., указ. соч., с. 111.

стей, то есть вообще изъять из обращения закон о клевете, так как это угроза свободе. Другие же усмотрели в судебном постановлении попытку лишить государственных должностных лиц возможности привлекать клеветников к ответу и проигнорировать проблему ценности репутации человека. Несмотря на бесспорную квалификацию американских судей, время все-таки лучший судья. И оно показало, что выход был найден правильный.

Гарантии от ответственности за диффамацию, созданные делом «Нью-Йорк Таймс против Салливена» и другими прецедентами, являются сегодня мощной защитой для масс-медиа, которая критически высказывается по адресу людей, стоящих у власти. Эти гарантии дали американским журналистам ощущение «развязанного галстука».

Круг лиц, критикуя которых журналист может не бояться добросовестной ошибки, расширяется, то есть открываются двери для безбоязненной критики самой разной категории граждан. Теперь это не только общественно-политические деятели, то есть мэры, губернаторы, члены конгресса, члены кабинета, судьи, инспектора, надзиратели, высокопоставленные служащие полиции и т. д., но и так называемые общественно значимые фигуры. То есть те влиятельные люди, кто в силу своего статуса и деятельности привлекает широкое внимание общественности.

К их числу относятся газетные колумнисты,⁸ популярные телезвезды, знаменитые артисты, высокопоставленные представители различных союзов и т. д. Впрочем, список этих лиц постоянно пересматривается в зависимости от того, какой неожиданный поворот даст ключом быющая жизнь.

Американские правила игры так искусно учитывают все нюансы, что в результате ни один из ворот не остаются ни открытыми для нападения, ни, наоборот, заблокированными. За 200 лет своего существования американская свободная печать настолько ярко проявила себя во всех своих изумительных противоречиях, что грех было не создать красивую и сбалансированную игру, вовремя и на законных основаниях прерываемую судейским свистком. И несмотря на отлаженность игры, нет общей формулы, есть конкретный подход к конкретному делу.

Некий американский генерал обратился в суд с иском заявлением, где обвинял агентство «Ассошиайтэд пресс» и несколько телекомпаний в подаче ложной информации о его деятельности во время беспорядков в одном из американских городов. Какой должна была быть логика принятия судебного решения без уяснения нюансов? Наказать агентство и телекомпании, так как ничего подобного, о чем они сообщали, не было. Но, как говорится, суд пошел другим путем. Дело в том, что важнейшим слагаемым репортерского мастерства считается умение писать в спешке, когда поджимают сроки. Вникнув в специфику журналистского труда, Верховный суд США вынес решение в пользу органов информации. Он постановил, что появление генерала во время беспорядков было «горячей» новостью, требовавшей срочного сообщения о ней в печати и по телевидению. Хотя в экстренном сообщении об этом событии содержались неточности, однако в нем «не было серьезных отступлений от общепринятых журналистских стандартов сообщения новостей».

Э идентичной по своей сути судебной тяжбе выиграл, наоборот, истец, так как материал журналиста был написан в жанре расследо-

⁸ Колумнист — популярный журналист, который ведет в газете свою колонку.

вания. Газета «Сетердей ивнинг пост» обвинила Уолли Батса в том, что он выдал секреты одной футбольной команды другой. Газете пришлось уплатить большие деньги Батсу, так как, согласно судебному постановлению, был допущен отход от стандартов написания исследований,—не были привлечены дополнительные источники информации, автор исследования, не будучи специалистом по футболу, даже не сделал попытки проконсультироваться с людьми из спортивного мира.⁹

Как видите, не совсем уж беззаботная жизнь у американских журналистов. Но если помнить о «буйках», все будет нормально. Именно поэтому, прежде чем подпустить новичков к пульту публичной службы, а именно так там воспринимается журналистика, его муштруют в школах журнализма по части «техники безопасности». В любом учебнике для будущих журналистов неперенное описание хрестоматийного дела «Нью-Йорк Таймс» против Салливена¹⁰ и других дел, ставших прецедентами. И обязательные советы, которые помогут обойти рифы и мели судейской возни. Посмотрим, что конкретно рекомендует учебник Мэлвина Менчера для репортеров. По этой книге учатся не только американцы. Она «под рукой» у студентов многих стран и считается одной из самых удачных попыток создания учебного пособия, предназначенного для начинающего западного репортера.

Прежде всего отметим, что Менчер уточняет возможные средства защиты в случаях с обвинением в лайбле. Как и следовало ожидать, первейшее средство защиты—это правдивость фактов, которую вы докажете. Журналист может также оправдать себя, оперируя понятием «честный комментарий». От несения ответственности за комментарий орган информации освобождается лишь при условии, если они сделаны на строго правдивой фактической основе и не идут дальше выражения мнения по общественно значимому вопросу, высказанного с добрыми намерениями и без злого умысла.

Существуют и привилегии. Ответственность за диффамацию снимается, если орган информации цитирует то, что было сказано в законодательных органах, в том числе в конгрессе, на суде. И тут обговаривается существенная деталь. Если официальное юридическое лицо сообщило в частной беседе журналисту, что расследуется дело, связанное с неким бизнесменом, и журналист написал об этом, то он во время возможной судебной тяжбы не сможет защититься привилегией.

Но если журналист процитирует те же самые слова того же юридического официального лица, произнесенные во время судебного заседания, он в безопасности, даже если бизнесмен, о бизнесе которого шла речь, докажет, что все процитированное—неправда.

Вот что советует Мэлвин Менчер тем, кто хочет избежать «лайблов».

1. Тщательно проверяйте все диффамационные материалы, проявляя осторожность к сообщениям, связанным: а) со способностью человека справляться со своей работой, б) обвинениями, что человек совершил преступление или нечто, что может быть квалифицировано как преступление, в) с намеками или прямыми утверждениями, что человек имеет психические отклонения или страдает заразной болезнью.

2. Удостоверьтесь еще раз, что факты спорного материала могут быть доказаны.

⁹ См. Robinson S., Guidelines for news reporters, N. Y., 1983, p. 85—87.

3. Освещая темы, так или иначе связанные с судебными процедурами, будьте особенно осторожны. Именно такие материалы часто вызывают обвинения в «лайбле».

4. Не пытайтесь уложить диффамационный материал в структуры, которые начинаются со слов «говорят» или содержат ссылки на чужую речь. Это не является средством защиты от ответственности за «лайбл».

5. Не «разукрашивайте» материал своими личными оценками. Остерегайтесь личного энтузиазма, который очень часто является причиной потери контроля при письме.

6. Правда — это средство защиты, но добрые намерения — нет. Вы, возможно, не задавались целью обидеть человека, но если будет доказано, что ваше сообщение, сделанное с добрыми намерениями, неправда, то ваши добрые намерения не являются средством защиты.

7. Если орган информации исправил ошибку, то это не снимает наказания, а лишь смягчает его.¹⁰

Существуют опасные слова, использование которых чревато серьезными последствиями. Если речь идет о работе или профессии человека, то не рекомендуется употреблять слова — неудачник, лопкий машинатор, темный делец, наемный писака, литературный поденщик, некомпетентный, взяточник. Журналиста могут запросто обвинить в ущербе, нанесенном репутации, уцепившись за слова — ненадежный, банкрот, аморальный, негодяй и т. д. Обидными могут быть и слова коммунист, фашист.

Вообще роль суда в жизни американца несколько гипертрофирована. Выделился даже особый тип людей, которые по самому незначительному поводу обращаются в суд. Детально рассматривая эту проблему в номере от 12 августа 1991 года, журнал «Тайм» называет этих людей «крайбэби» (рёвы). Естественно, такие «крайбэби» вылавливают любые ошибки в газетах, чтобы раздуть скандал. Любопытен факт, который приводит журнал «Тайм». В одном из штатов для того, чтобы уменьшить количество исков в суд, для газетчиков был составлен 22-страничный словарь опасных и заведомо клеветнических слов. Словарь, например, указывает, что не следует во избежание конфликтов называть американца мексиканского происхождения «незаконным чужестранцем», лучше — «рабочий без документов».¹¹

Факт существования таких словарей для нас даже смешон. Это как бы кнут, которым журналист должен время от времени себя похлестывать. Изобретение такого рода «кнутов» — это реакция на устойчивые стереотипы, которыми грешит американская пресса.

В американских учебниках по журналистике в обязательном порядке подробно рассматриваются вопросы, связанные с «лайблами». Приводятся в издании начинающим журналистам многочисленные примеры из судебной практики. Так как эти примеры очень поучительны и наглядно демонстрируют специфику взаимоотношений американских масс медиа и судов, в дополнение к вышеизложенному приведем выдержки из пособия для литературных редакторов.¹²

Литературный редактор должен выискивать лайблы в любом материале, — будь то письмо редактору, реклама или комикс. Газета ответственна на суде за все то, что публикуется на ее страницах (в те-

¹⁰ Mencher M. Basic News Writing. Iowa, 1989, p. 120—125.

¹¹ „Time“, 1991, № 22, p. 13.

¹² См. R. Thomas Bener, The Process of editing, Pennsylvania, 1990, p. 44

ле или радиопередатчах, переданных в прямом эфире, ответственность несет только автор).

Редактируя текст, нужно быть внимательным в тех вопросах, где речь идет о репутации человека. Нельзя говорить «подозреваемый убийца», лучше — «человек, которого обвинили в убийстве». Фраза «предполагают, что он был вовлечен в махинацию» указывает на факт махинации, ведь предполагать — это утверждать что-то, хотя и без доказательств. Лучше написать о том, в чем обвиняется человек, чем допустить предположительные высказывания о преступлении.

Приведем пример. Профсоюзный лидер объявил, что один из боссов (и его имя было названо) проехал на машине через пикет и сбил одного из его участников. Не приведя никаких подтверждений из полиции или из больницы, газета обнародовала факт преступления. Судебного иска могло не быть, если газета, процитировав профсоюзного лидера, не назвала бы имя босса, который якобы сбил пикетчика, и обязательно указала на то, что она не нашла подтверждений сказанного. Даже если газета дословно передает слова человека, который выносит обвинения, она подсудна. Аккуратное цитирование не освобождает газету от ответственности.

Чаще всего ляпы появляются в криминальной хронике, ресторанных обзорах, спортивных материалах, обзорах по искусству, в карикатурах. Материалы из полицейского участка требуют особого внимания.

Одна из газет сообщила, что в ходе расследования по делу об изнасиловании был арестован подросток. Позже расследование пошло совершенно в другом направлении, и с подростка было снято обвинение.

Парень ждал целый год, пока газета, знакомя читателей с самым последним ходом дела, даст информацию о том, что он невиновен, но никаких публикации не последовало.

Парень подал в суд и выиграл 1 млн. долларов. Обосновывая свое решение, жюри сообщило, что газета опубликовала ложную информацию. Если в свое время материал и содержал в себе истину, то редакция не проявила должной требовательности, чтобы перепроверить в дальнейшем его истинность.

Решения судов в какой-то степени произвольны. В суде одного читателя материал может быть признан диффамационным, а в другом — нет. Поэтому во избежание судебного процесса редактор должен быть очень внимателен. Редактируя материал, который может вызвать нападки, нужно удостовериться, что факты подтверждены более чем одним источником информации. Необходимо выяснить, дана ли возможность высказать свою точку зрения в материале человеку, который представлен в невыгодном свете, соответствует ли заголовок тексту, точна ли идентификация людей на фотографиях.¹³

Справедливости ради отметим, что механизм судебной практики, связанной с исками к органам информации в гражданском порядке, не лишен недостатков и в США. Здесь стремятся вовремя реагировать на звенья, которые не срабатывают или в силу определенных причин ба-

¹³ За неправильную идентификацию фотографии газете «Московский комсомолец» пришлось уплатить милиционеру Кузнецову 100 тыс. рублей. В номере от 14 октября 1992 года фотография милиционера с другом была сверстана рядом с очерком, повествующим об убийстве шофера двумя сотрудниками ГАИ. В практике российской прессы это был первый случай, когда газету наказали за неправильную идентификацию фотографии.

рахлят. Часто дискутируется тот факт, что, будучи не знакомы с экономикой средств информации, присяжные не принимают во внимание тираж и реальные доходы издания, определяя произвольно суммы ущерба от диффамации. В результате средства информации несут ощутимый ущерб. Предлагают давать право определять размер выплаты по диффамации лишь профессиональному судье, который имеет достаточно большой опыт тяжб, связанных с исками к масс медиа.

По-своему видят проблему и журналисты. Есть такое мнение, что закон о диффамации приводит к бдительной самоцензуре. Маленькая газета разорится, если подвергнется за экологический ущерб большое предприятие, способное тратить средства на долгий судебный процесс. Она стремится любой ценой предотвратить возможные судебные акты, так как даже судебные издержки ей дорого обходятся. В силу угрозы огромных выплат за причиненный ущерб большие газеты нанимают несколько юристов, которые «вынюхивают» каждую газетную строчку с точки зрения диффамации.

Американские специалисты считают, что в любом случае самый оптимальный вариант,—не доводить дело до суда и попытаться сторонам найти общий язык, прежде чем переходить к судебной тяжбе. В профессиональных изданиях серьезно обсуждаются вопросы внесудебного разбирательства конфликтов между прессой и организацией или частным лицом, рассматриваются разные «сценарии» мирного соглашения.

Заключая экскурс в американскую журналистику, хотелось бы в конспективной форме изложить все то интересное, о чем говорилось на российско-американском симпозиуме, посвященном вопросам законодательства о печати (май 1992 г.). На конференции выступили известные американские исследователи масс медиа, юристы, деканы школ журнализма из различных штатов. Почетным гостем этого научного форума был главный судья апелляционного суда США Джильберт Меррит. Приведем те высказывания американцев, которые полезны в плане осмысления их подходов к интересующей нас проблеме. Суть их такова. Живой процесс развития журналистики полномочны регулировать прежде всего суды. Только суд решает, рассматривая иски к масс медиа, насколько реальна общественная опасность. Высокая степень самостоятельности наших судов—это очень дорогое удовольствие. Содержать их накладно. Но ведь альтернатива еще хуже. Правительственный контроль за прессой—это самая плохая альтернатива.

Иногда мы даже признаем свободу журналиста быть неправым и ошибаться, даже быть безответственным. Это лучше, чем навязанная властью ответственность.

Свобода слова существует только тогда, когда добиваешься ее постоянно. Она предполагает постоянное напряжение усилий. Поэтому важно изучать случаи нападков на прессу, необоснованных исков. Все это уроки, и о них надо помнить.

Лучшее для свободы слова—это отсутствие всякой теории. Нужен постоянный диалог между судом, прессой и любым участником процесса. Как только мы обозначаем, что мы понимаем под свободой печати, мы ее теряем. Поэтому необходимо держать идею свежей.

Конечно, американский опыт судебного-правового разрешения конфликтов связан со спецификой американского образа жизни. Многие из этого опыта невозможно механически перенести в нашу действительность, поскольку ко многим вопросам у нас иные подходы, да и статус прессы как самостоятельной и независимой власти еще только утверждается. Но вместе с этим правовые нормы и положения журна-

листской этики, которые предусматривают не только защиту свободы слова, но и защиту от свободы слова, достойны внимательного изучения и осмысления.

**ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԶԱՆԳՎԱԾԱՑԻՆ ԼՐԱՏՎՈՒԹՅԱՆ ՄԻՋՈՑՆԵՐԻ
ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԴԱՏԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՈՐՈՇ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐ**

Ի. Ս. ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Օրենքի և մամուլի հարաբերության հիմնահարցը մինչև օրս քիչ է ուսումնասիրված: Լրատվության տարբեր օրգաններին ներկայացված հայացքները, դատական պրոցեսները, որտեղ պարբերականները մեղադրվում են զրպարտչության և իրականությանը չհամապատասխանող տեղեկատվության մեջ, անհարիր են այն հասարակության համար, որը առաջին քայլերն է անում դեպի իրավական պետություն:

Լրագրական տեսության մեջ բացակայում են հստակ շահանքները, և հիմնահարցը դեռևս չի հետազոտված: Այս առումով հատուկ ուշադրության է արժանի և խիստ օգտակար է ամերիկյան «մաս մեդիայի դոկտրինայի իրավական ասպեկտները», մասնավորապես, դիֆամացիայի մասին օրենքների ուսումնասիրությունը: